

Фонетическая синтагматика в омографах русского языка

В данной статье рассматривается взаимосвязь фонетической синтагматики и омографии, определяются типы структур, формирующиеся с учетом характера связи и отношения сегментных единиц.

Ключевые слова: русский язык, омография, фонетическая синтагматика, омопара, акцентология.

Статья, посвященная характеру взаимосвязи фонетической синтагматики и омографии, продолжает исследование одного из аспектов изучения системы языка — синтагматического. Выделение синтагматических отношений связывают обычно с именем Ф. де Соссюра, но в отечественном языкознании задолго до этого И. А. Бодуэн де Куртенэ описывал их в терминах рядоположения (*Nebeneinander*), а Н. В. Крушевский — в виде отношений по смежности [3:447]. Поскольку синтагматические отношения выявляются на всех уровнях языка, то в зависимости от выбранных единиц анализа говорят о синтагматике как о части соответствующей уровневой дисциплины и выделяют синтагматику фонетическую, фонологическую, морфологическую, лексическую и т. п. Особенности синтагматики на фонетическом уровне занимались Я. К. Грот, В. А. Богородицкий, Л. В. Бондарко и др.

Цель нашей работы — проследить особенности сочетаемости звуков в омографических единицах.

Связь омографии и фонетической синтагматики очевидна, так как все законы сочетаемости языковых единиц, правила и условия линейной деформации сегментов определяют фонемный состав омографов и аллофоническую структуру компонентов параомофонов. В омографических единицах (ОЕ) синтагматика гласных реально представляет разные типологические структуры. Типологическая структура — это последовательность звуков, где гласный обозначен — Г, согласный — С. Характер связи и отношения сегментных единиц отражаются в формировании 4-х типов структур. Три обозначенные структуры связаны контактными отношениями, а четвертая демонстрирует пример неконтактной взаимозависимости и взаимообусловленности языковых единиц, образует центр пересечения синтагматики и парадигматики. Рассмотрим некоторые из указанных структур.

ГГ — ГГ. Известно, что звуковая последовательность ГГ чужда русскому языку как индоевропейскому. Подобные сочетания характеризуют лишь заимствованную лексику. И как следствие, обнаружены лишь единичные примеры омопар. Так, сочетание *ао* выявлено в ОЕ *хаос* /ГГ/ и *хабс* /ГГ'/, причем ОЕ *хаос* по своему произношению характеризует только иноязычную лексику (под влиянием письма), тогда как законы русской звуковой системы запрещают заударное *о*. Далее, в омопаре *заухать* — *заухать* (отмеченной только в словаре Н. П. Колесникова) выявлена структура ГГ (*ау*) — ГГ), которая также не типична. Третьей омопарой является *муаре* — *муаре*, где выявлена структура ГГ (*ау*) — ГГ (*ау*).

Рассмотрим структуру, где в первой ОЕ гласный является ударным, во второй — безударным. В общем виде структура Г-Г включает различные её виды (в зависимости от сочетания гласных и согласных). К ним относятся: ГСГС — ГСГС: *и́рис* — *ири́с*, *и́кать* — *ика́ть*, *о́пер* — *опе́р* (от опереть), ГССГ — ГССГ: *и́глу* — *иглу́*, *и́кра* — *икра́*, ГСГ — ГСГ: *е́ду* — *еду́*, *у́ха* — *уха́*, *ю́га* — *юга́*. Все они двусложные.

Трёхсложные, начинающиеся с гласных, представлены самыми различными структурами: ГССГГ — ГССГГ: *и́здали* — *издали́*, ГСГСГСГ — ГСГСГСГ: *обе́регу* — *оберегу́*. ГСГССГ — ГСГССГ: *обо́йму* — *обойму́*, *уточка* — *уточка́* и т. д. с характерными для них акцентными опозициями 1/2, 2/2, 1/3.

В полиграфических омографах типа *опёку* — *опеку́*, *упёку* — *упеку́*, *умету́* — *умёту* ударение падает либо на разные (1/2, 2/3) слоги, либо на один и тот же слог, например, в ГСГС — ГСГС: *умёл* — *умёл*, *осёл* — *осёл*, *оглаше́нный* — *оглаше́нный*, *отъём* — *отъём*. Все полиграфические омографы характеризуются различием в фонемном составе, а их параомофоны — звуковым различием. От употребления диакритического знака над *е* зависит наличие в составе омографов фонем *о* или *э*, а в составе параомофонов звуков *о* или *е*, причём данные звуки проявляются в основном их качестве в позиции в тех омопарах, где ударение падает на один и тот же слог. Если же ударение в компонентах таких омопар одноместное, то их звуковой состав разнится лишь одной парой аллофонов: *отеку́* — *отёку* [л'т'и'кú] — [л'т'óку], а если разноместное, то несколькими парами: *оберег* — *обере́г* [об'ьр'ьк] — [лб'и'р'òк],

В полиграфических омографах выявлено 16 омопар с сочетаниями ГГ — ГГ букв. (Ср: *хаос* — *хаос*, например, *ае* — *аё*): *заём* — *заём* [зл'эм] — [зл'óm]; *наём* — *наём* [на'эм] — [на'óm]; *паек* — *паёк* [пá'ьк] — [пл'jóк]; *оё* — *оё*, типа: *поём* — *поём* [пл'эм] — [пл'óm]; *проём* — *проём* [пр'á'эм] — [пр'á'óm]; *её* — *её*: *змеёк* — *змеёк* [з'м'э'ьк] — [з'м'и'jóк]; *ие* — *иё*: *приём* — *приём* [пр'и'эм] — [пр'и'óm] и т. д. Звуковые и фонемные последовательности реально отражают структуру ГГ — ГГ, но в данном случае между двумя гласными проявляется *j*, то есть ГСГ-ГСГ, поскольку буквы *е*, *ё*, *ю*, *я* — йотированные и содержат здесь два звука, которые представляют две фонемы.

В основном составе омографов также выявлено 8 аналогичных сочетаний. Расположим их в порядке убывания: 1) *ою-ою*: *постою́* — *постою́*, *открою́* — *открою́* — 27; 2) *оя-оя*: *перегно́я* — *перегно́я*, *мо́я* — *мо́я* — 10; 3) *аю-аю*: *о́хаю* — *о́хаю*, *та́ю* — *та́ю* — 7; 4) *ая-ая*: *па́рная* — *па́рная*, *вё́щая* — *вё́щая* — 3; 5) *ое-ое*: *надо́ем* — *надо́ем*, *про́есть* — *про́есть* — 2; 6) *ее-ее*: *ветре́ет* — *ветре́ет* — 1; 7) *ые-ые*: *отве́сные* — *отве́сные* — 1; 8) *ея-ея*: *зме́я* — *зме́я* — 1.

Таким образом, для омографии звуковые последовательности не характерны. Это закономерное следствие того, что в словарном составе русского языка данные последовательности достаточно редки и свойственны иноязычной лексике, для которой покомпонентное воспроизведение сочетания считается нормативным: *оо*, *ои*, *эо*, *иа*, *уу*, *оу*, *ээ*, *уо*, *за*, *эо*, *аз* типа: *аэродром*, *массстро* и т. д. Кроме того, такие последовательности гласных, как *оы*, *зы*, *уы*, *аы*, *иы* не имеют места в русском языке. Что же касается безударной позиции структуры ГГ-ГГ в омографах, то в данном случае звуковое разнообразие вообще отсутствует, поскольку большое количество вокальных комбинаций такого рода фактически исключается, не реализуются *уо*, *уы*, *ои*, *оо*, *иэ*.

Структура СГ — СГ (по начальным ОЕ) представляет собою наиболее интересный и противоречивый узел звуковой системы. Ещё А. М. Пешковский подчёркивал, что "для характеристики русского вокализма наиболее важны два момента: 1) ударность-безударность гласных и 2) действительная мягкость согласных" [4: 178]. Этому вопросу уделяли внимание Я. К. Грот, В. А. Богородицкий, Л. В. Щерба и др. Отмеченные два положения и в настоящее время остаются основными условиями дистрибуций русских гласных. Специальными исследованиями

Н. И. Дукельской, А. М. Кузнецова, Л. М. Матусевича, Л. В. Бондарко установлено, что в соседстве с мягкими согласными меняется и качество и длительность ударного гласного.

Все звуки русского языка подчиняются особым синтагматическим законам, определяющим их неконтактную зависимость друг от друга. В меньшей степени неконтактная подчинённость свойственна консонантизму, в большей — вокализму. Имеющая место в омографии структура СГСГСГ — СГСГСГ (например, *перебѣгу* — *перебегу́*, *мѣтила* — *метѣла* и т. п.) одна из наиболее распространённых фигур. С этой же структурой связана проблема частотности гласных, то есть по существу законы построения текста, а также некоторые проблемы ударения.

Редукция гласных в омографических парах обусловлена межслоговой синтагматикой вокальных элементов в ОЕ и теми просодическими факторами, которые мы не склонны отрывать от речевых сегментов и выносить в надсегментную сферу, — прежде всего потому, что "ударение как просодический элемент не только формирует сегментацию слова, но и само включается в линейную цепь" [5: 45].

Что касается "сильноцентрализованности" русского ударения, то она состоит в редукции неударных слогов, "компенсируется его фонологической подвижностью, выражающейся в чередовании "сильных" и "слабых" вариантов гласных фонем" [1: 19]. Синтагматическая предопределённость редукционного процесса диктуется именно "сильноцентрализованностью" русского ударения. Правила следования гласных в рамках идеального четырёхсложного слова отражают одностороннюю предсказуемость каждого вокального сегмента в слове. Точкой отправления такого рода построения всегда является ударный гласный. Например, перед безударным *ъ* не может находиться неударный *а* или перед неударным *а* не может присутствовать неударный *э*. В исконно русской лексике за неударным *и* может следовать неударный *о* и т. д. Это громоздко.

Минимальный набор синтагматических правил исчерпывает редукционную структуру слова. В слове не может быть более одного *о*, *э*, *а*. Отступления связаны с нетипичным для русского языка неприкрытым началом слова. В русских словах не ограничена неконтактная встречаемость *и*, а также редко соседствуют два и более *о* и *ы*.

Коснёмся также вопроса акцентологической предпосылки вокалической частотности в омографии. В фонетической традиции существует проблемный вопрос: чем определяется частотность ударных гласных — фонетической природой ударения или, наоборот, расстановка ударения обусловлена специфическими средствами русского вокализма? Имеется также и синтагматическая предсказуемость места ударения. В русском языке место ударения может определяться чисто фонетическими принципами организации слова. Решающую роль играют такие факторы: 1) критерий гласности-согласности, 2) критерий числа слога, 3) критерий качества ударного гласного. Исходя из этого, рассмотрим синтагматическую связанность места ударения с качеством гласного и частотность ударного гласного. Существуют различные точки зрения по этому вопросу. Так, Т. М. Николаева отмечает, что "притягивают" ударение гласные *а*, *о*, *у*, так как они наиболее длительные, а ведущим фактором ударения для русского языка является именно длительность. Н. К. Пирогова считает, что ударение "притягивает" группа максимально частотных гласных, имеющая в своем составе гласные *а*, *о*, *э*. Эти звуки, по её мнению, являются наиболее частотными в классе ударных гласных. Причины, по которым ударение тяготеет именно к этим гласным, остаются невыясненными.

Проведём статистические подсчёты частотности ударных гласных в омографической системе относительно ОЕ омографем и сочетаний ударных гласных в омопаре. Полученные нами данные на материале омографии доказывают точку зрения Т. М. Николаевой. Считаем, что различие в составе частотных гласных принципиального значения не имеет. В ходе статистического анализа было выделено 30 оппозиций ударных гласных звуков в компонентах параомофонов. Наиболее частотные из них: *а/а*, *о/о*, *о/у*, *э/а* — типа: *ба́лка* — *балка́*, *во́рота* — *ворота́*, *возра́сту* — *возрасту́*, *бе́га* — *бегá* и под.

Омография на фонологическом уровне представляет собой объект многоаспектного исследования. Изучение омографов на данном ярусе языка предполагает подробный анализ одного из акцентологических свойств разноместности ударения, а также рассмотрения его функциональной сущности в плане парадигматики и синтагматики. В ходе поэтапного фонологического исследования всего состава омографии мы пришли к следующим выводам:

- ударение — не просто акустико-физиологический феномен, а языковой фактор, выполняющий коммуникативную функцию: оно является признаком омографических единиц, а не фонем;
- наличие контрастивности, реализуемое в разноместности ударения, соответствует одному из принципов организации системы в языке;
- роль словесного ударения в омографической единице аналогична роли фонемного состава и тоже связана со значением слова;
- каждая пара омографических единиц внутри омографической парадигмы характеризуется тем же распределением ударения, что и омографема;
- место ударения в совпавших словоформах определяется факторами этимологического и словообразовательного характера;
- разноаспектный статистический анализ, проведённый в избранной группе омографов (имён существительных), отражает основные процессы и закономерности, свойственные всей омографической системе в целом;
- наиболее частотное ударение приходится на корень — флексию;
- парадигматические и синтагматические отношения пронизывают единицы всех уровней языка, всей системы, в том числе и омографическую систему.

1. Виноградов В. А. Консонантизм и вокализм русского языка (Практическая фонология). — М., 1971.
2. Колесников Н. П. Словарь омонимов русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. — Тбилиси, 1976.
3. Кубрякова Е. С. Синтагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990.
4. Пешковский А. М. Избранные труды. — М., 1959.
5. Пирогова Н. К. Вокализм современного русского языка / Синтагматика и парадигматика. — М., 1980.

В. В. Горбань, М. Г. Петренко

ФОНЕТИЧНА СИНТАГМАТИКА В ОМОГРАФАХ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ

У статті розглянуто взаємозв'язок фонетичної синтагматики та омографії, визначено типи структур, що формуються з урахуванням характеру зв'язку та відносин між сегментними одиницями.

Ключові слова: російська мова, омографія, фонетична синтагматика, омопара, акцентологія.

V. V. Gorban, M. G. Petrenko

PHONETIC SINTAGMATICS IN RUSSIAN HOMOGRAPHY

This article concerns interconnection between the phonetic sintagmatics and homography. It is dedicated to the types of structures which are formed by the character of connection and relations between segment units.

Keywords: Russian, homography, phonetic sintagmatics, homopair, accentology.